

Мальтийский проект Павла I – отражение российской внешней политики

Станислав АГУРЕЕВ
Дмитрий СКОТНИКОВ

Особенности российской политики в XVIII веке

Мальтийский проект Павла I является одним из наименее исследованных вопросов истории российской внешней политики, потому что рассматривается, как правило, отдельно и обособленно, в качестве сугубо частной инициативы императора, объясняемой его личными убеждениями и особенностями характера. Этот проект целесообразно рассматривать в контексте внешней политики Российской империи в XVIII в., обратив внимание на её характерные черты и принципиальные отличия от внешней политики европейских государств, обусловленные прежде всего особенностями исторического развития России.

Одной из главных особенностей европейской политики XVIII в. является представление о том, что суверенитет – понятие, связанное с монархом, ведущим династическую политику в интересах аристократии. В этом смысле любое внешнеполитическое решение рассматривалось как продолжение сословной политики, направленной на укрепление государственного суверенитета над новыми территориями.

Средством реализации этой политики являлось понятие своего рода «концерта европейских держав», действия которых определялись существующей политической ситуацией. Любое изменение баланса сил вело к

АГУРЕЕВ Станислав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* stas.agureev@mail.ru

СКОТНИКОВ Дмитрий Евгеньевич – аспирант Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* dimkus82@yandex.ru

Ключевые слова: Мальтийский проект, император Павел I, Мальтийский орден, Мальта, северенитет.

войнам коалиций: война за австрийское и испанское наследство, Северная война 1700–1721 гг., борьба за польский престол с участием европейских монархов. Одной из наиболее кровопролитных войн эпохи стала Семилетняя война, вызванная усилением прусской монархии.

Другой немаловажной особенностью Европы являлась непрочность военных союзов и коалиций, стремление обрести баланс за счёт соседей, не дав при этом усилиться ни одной из держав.

При таком понимании европейской политики право на защиту суверенитета закреплялось лишь за христианскими правителями и не распространялось на защиту территорий Османской империи.

Анализ политики российского императора Павла I, в частности его политики в отношении Мальтийского ордена, необходим для лучшего понимания политической мотивации при принятии подобных решений.

В истории Российской империи Павел I долгое время ассоциировался с не всегда логичной и продуманной политикой, которая шла вразрез с политикой Екатерины Великой, однако при этом нередко не уделяется должного внимания мотивации его политических решений. Период правления Павла I насыщен яркими внешнеполитическими событиями: Итальянский и Швейцарский походы А.В. Суворова; русская эскадра под командованием Ф.Ф. Ушакова в Средиземном море; альянс, а затем разрыв с Англией; война с революционной Францией и неожиданный союз с той же Францией в период Наполеона.

Однако же внешнеполитическая деятельность Павла I представляется по-своему логичным этапом

развития российской внешней политики. Схожие идейные да и практические основания можно обнаружить и у предшественников Павла, и у его наследников. Наконец, кажется очень важным подчеркнуть ряд родственных черт, объединяющих Мальтийский проект с идеей гораздо более масштабной – идеей Священного союза за авторством императора Александра I. Это тем более примечательно с учётом того, что два этих монарха считаются антиподами с точки зрения подходов к вопросам внешней политики.

Стремительное становление Российской империи европейской державой привело к активизации внешней политики страны в период правления Елизаветы Петровны, а затем и Екатерины II. Развитие дипломатических отношений с европейскими странами и династические браки активно способствовали усилению российского влияния в Европе. В этом смысле политика российских императоров стала частью большой европейской политики с её многочисленными политическими союзами и вечным поиском баланса сил и интересов.

Основные усилия российской внешней политики, начиная с эпохи Петра I, были направлены на признание Российской империи равной ведущим европейским государствам. Составной её частью являлось стремление стать лидером с возможностью поддержания политического баланса в Европе. В этом смысле политика Петра I, а затем и Елизаветы Петровны, и Екатерины II была направлена на превращение Российской империи в великую европейскую державу, имеющую выходы к Чёрному и Балтийскому морям. Но тогда и поли-

тика Павла I может и должна рассматриваться с точки зрения участия в европейских союзах и коалициях с целью увеличения мощи Российского государства. В этом случае сразу же обнаруживаются прямые аналогии. Как и политика Петра I, внешнеполитический курс Павла I был направлен на укрепление отношений с протестантскими странами, и прежде всего Пруссией (в отличие от политики Екатерины Великой, ориентировавшейся на ослабление Пруссии за счёт временного политического союза с Австрийской империей). В то же время составной частью внешней

политики Павла I являлось и стремление показать католическим странам растущую силу России. В этом смысле развитие отношений России с Мальтийским орденом было исключительно важно и имело своей главной целью усилить позиции Российской империи в Европе. А идея лично возглавить Мальтийский орден, часто понимаемая просто как удовлетворение амбиций императора Павла, была направлена на занятие особого места среди европейских монархов и должна была показать, что именно российский император является первым среди равных.

Россия и Мальтийский орден: история взаимоотношений

Установление дипломатических контактов с государством мальтийских рыцарей относится к эпохе Петра I. Российский дипломат и генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев посетил остров Мальту в 1698 г. – ровно за 100 лет до того, как Павел I будет провозглашён Великим магистром ордена [1, с. 30]. Взаимный интерес Российской империи и ордена понятен и логичен: они естественные союзники в борьбе против Османской империи. К тому же Россию интересует богатый опыт ордена в организации флота, а рыцари как поддержка огромного христианского государства.

Понимая это, Екатерина II тоже активно развивала отношения с орденом, рассматривая Мальту уже как

возможную базу российского флота в Средиземном море [1, с. 35–37].

В 1787 г. на русскую морскую службу вместе с двумя другими офицерами поступил граф Джулио Ренато Литта – орденский балый*, будущий посол ордена в Российской империи, человек, сыгравший важную роль в Мальтийском проекте и проживший в России большую часть жизни.

Кроме того, после разделов Польши появляется практический повод для более тесных контактов – так называемое Острожское наследство – земли, завещанные князем Янушем Острожским в пользу Великого приорства Польского** и оказавшиеся частью владений России. В решении этого вопроса граф Лит-

¹ Андреев А.Р., Захаров В.А., Настенко И.А. История Мальтийского ордена. М.: SPSL. Русская панорама, 1999.

* Балый – офицерский рыцарский чин Мальтийского ордена.

** Приорство – территориальное подразделение Мальтийского ордена.

та также принял активное участие. Переговоры, начавшиеся ещё при Екатерине II, завершились успешно уже при Павле, когда отношения Российской империи с орденом пережили бурный расцвет.

Необходимо отметить, что современники писали о симпатии Павла I к мальтийским рыцарям уже в детстве. Учитель десятилет-

него наследника престола Павла С.А. Порошин писал в своём дневнике 28 февраля 1765 г.: «Читал я Его Высочеству Вертогову историю об Ордене мальтийских кавалеров. Изволил он, потом забавляться и, привязав к кавалерии своей флаг адмиральский, представлять себя кавалером Мальтийским» [2].

Наследник престола и влияние традиций

К середине XVIII в. Россия уже активнейший участник большой европейской политики. Участник амбициозный и азартный. Можно вспомнить хотя бы роль России в Семилетней войне и внешнеполитические инициативы Екатерины II. Мальтийский проект нельзя считать авантюрой российского императора Павла, как и нереализованные планы его матери в отношении присутствия России в зоне проливов.

Какова же роль Мальтийского проекта во внешней политике Павла I? Прежде всего он опирался на фундамент, построенный его предшественниками. Кроме того, реализация данной инициативы была бы невозможна без личной заинтересованности представителей Мальтийского ордена в сильном европейском покровителе.

Политика Павла I в этом вопросе определялась несколькими внешне-

политическими задачами, главными среди которых были: усиление авторитета Российской империи в Европе и получение о. Мальты в качестве важной военно-морской базы российского флота. Это говорит о преемственности по отношению к политике Екатерины Великой.

Историк М. Морошкин так писал об отношении императрицы к мальтийским рыцарям: «Екатерина II питала политическую любовь к этому ордену и передала ее и сыну своему; она старалась познакомить его с историей этого ордена посредством сочинения аббата Ферто, которое предложила ему для прочтения» [3, с. 121].

Павел I был лично знаком и с Великим магистром де Роганом, и с папой Пием VI¹, а его интерес к ордену и – шире – католицизму проявлялся не раз на протяжении всей жизни.

² Порошин С.А. Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного Государя Цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престолу российского. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1881. С. 23.

³ Морошкин М. Иезуиты в России с царствования Екатерины II-й и до нашего времени. В 2 томах. СПб., 1888. Т. 2.

¹ Папе римскому как главе католической церкви подчинялись в конечном счёте все католические военные и монашеские ордена.

Рыцарство для Павла I было идеальной формой дворянства – в противовес дворянской вольнице эпохи Екатерины. Рыцарская строгость, идея почти монашеского служения государю и государству казалась ему той основой, опираясь на которую он сможет реформировать собственную империю.

Павел I неплохо знал Европу: будучи наследником, совершил обширное европейское турне. Причём находясь в статусе частного лица (графа Северного), он действительно имел возможности по налаживанию личных связей и приобретению непосредственных впечатлений о европейской жизни. Сама же идея визита в европейские страны являлась повторением Великого посольства Петра Алексеевича, оказавшего за-

метное влияние не только на мировоззрение царя, но и на ход российской истории. Поездка наследника российского престола была призвана показать преемственность в европейской политике империи.

Однако без изменения политической ситуации в Европе осуществление Мальтийского проекта было бы невозможно. В Европе в это время происходили события совершенно беспрецедентные, оказавшие непосредственное влияние на реализацию Мальтийского проекта. В этом контексте и следует рассмотреть историю с низложением Великого магистра фон Гомпеша и провозглашением главой Мальтийского ордена самого Павла I, хотя и до этого прогресс в отношениях Петербурга и Мальты был стремительным.

Особенности политики Павла I в отношении Мальтийского ордена

Павел вступил на престол в ноябре 1796 г., а уже 4 января 1797 г. он при посредничестве графа Литты подписал с орденом Конвенцию из 37 пунктов, где обещал содействие в деятельности мальтийских рыцарей на территории Российской империи: не только гарантировал права ордена на земли и доходы бывшего Великого приорства Польского, но и создавал Великое приорство Российское, вступить в которое могли русские дворяне католического вероисповедания.

Рыцарям же, находившимся в бедственном положении после конфискации революционными властями владений во Франции, Павел I оказывал щедрую финансовую помощь: «Доходы Острожского приорства, по счету Ордена, простирались до 120 000

польских злотых в год. Государь по ходатайству Литты не только возвратил означенные доходы Ордену (за период, когда шли переговоры об «Острожском наследстве». – *Авт.*), но и увеличил их до 300 000 злотых особой конвенцией» [3].

Для находящегося в упадке ордена это было заметным актом покровительства со стороны российского престола.

В благодарность новый магистр ордена Фердинанд фон Гомпеш (сменивший умершего де Рогана. – *Авт.*) предложил российскому императору принять титул протектора ордена. На это Павел ответил согласием 27 ноября 1797 г. [1, с. 41]. Однако и этот результат не удовлетворил амбиций нового российского

императора в отношении мальтийских рыцарей.

После этого начались переговоры о создании в Российской империи второго Великого приорства, куда смогли бы входить уже дворяне православного вероисповедания. Этого никогда не случалось за всю историю ордена. И опять при посредничестве графа Литты удалось и здесь добиться согласия Великого магистра: «Того же дня (1 июня 1798) Его Преосвященство и Священный Совет, получив все сведения от Досточтимого нашего посланника ф-ра Ренато Конти относительно Литты касательно нового устройства Священного Ордена в пользу русской знати греческого вероисповедания, своим авторитетом мы утверждаем Досточтимому бабьи графу де Литта, подписываем и подтверждаем» [4, с. 321].

В июне 1798 г. французский флот двинулся к Египту, началась легендарная египетская экспедиция Наполеона, частью которой планировался и захват о. Мальты. 13 июня 1798 г. Фердинанд фон Гомпеш без боя сдал главную крепость ордена Ла-Валлетту французским войскам, и рыцари покинули остров. Это событие оказало непосредственное влияние на политику российского императора, так как затрагивало его династические интересы. Наследник великих воинов – магистров Пьера Д'Обюссона и Жана де ла Валетта – капитулировал, не оказав ни малейшего сопротивления (в качестве предлога для почётной сдачи было использовано то, что рыцари, вступая в орденское братство, издревле

клялись никогда не обращать оружие против единоверцев-христиан).

Капитуляция, однако, вызвала возмущение значительной части орденских братьев по всей Европе. Причём активнее всех отреагировало именно Российское приорство, члены которого (т. е. подданные российского императора) инициировали процесс низложения фон Гомпеша как человека, не исполнившего свои обязанности и, по сути, предавшего орден (Великий магистр признавался виновным в глупейшей беспечности – *de la plus stupide negligensce* – соучастие в измене), и тут же предложили стать Великим магистром самому Павлу I [1, с. 43–45].

Обращение в критический момент за помощью к Российской империи и её монарху было для рыцарей единственной возможностью в создавшейся политической ситуации: Павел на тот момент являлся самым могущественным (и вообще одним из немногих) покровителем ордена в Европе. Для России Мальта могла бы иметь стратегическую (а для Павла I и просто личную) ценность, и вполне реально можно было рассчитывать не только на дипломатическую, но даже и на военную помощь в возвращении острова. Однако наибольший интерес представляет то, какой именно способ избрала российская сторона. У Павла I уже был титул протектора и достаточно влияния, чтобы действовать общепринятыми методами: через папу римского и прописанные в орденском уставе процедуры и попытаться, например, добиться избрания абсолютно лояльного

⁴ Депеши графа Литты, посланника Мальтийского Ордена в С.-Петербурге (годы 1796 и 1797). Сообщены А.Ф. Бычковым, примечания князя П.П. Вяземского // Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868. Т. 2. С. 321.

магистра. Однако Павел принял решение взять эту роль непосредственно на себя, невзирая ни на разницу конфессий, ни на традиции ордена, никогда не возглавлявшегося иностранным монархом. Российский исследователь М. Медведев пришёл к выводу, что можно говорить о захвате российским императором власти в ордене: «Вокняжение императора Павла I в Ордене, провозглашенное 27 октября и закрепленное церемонией интронизации 29 ноября 1798 года, никак не может быть сочтено легитимным. Избрание было осуществлено не рыцарством всего Ордена в ходе законной генеральной ассамблеи, а одним Российским Великим приоратом...» [5].

В этом смысле действия официального Петербурга были самовольными и со стороны папской власти не выглядели легитимными. В то же время нельзя рассматривать политику российского императора как какие-либо действия в обход папской курии. В этом смысле российский император стремился заручиться поддержкой Ватикана. Однако как минимум очень спешил и очень хотел видеть именно то, что хотел [1, с. 45]. Если папа римский не говорил решительного «нет», в глазах Павла I он говорил «да», причём окончательно. А уж формальные процедуры императора интересовали в последнюю очередь. Конечно, такой подход был отчасти оправдан чрезвычайными обстоятельствами, в которых оказался орден. Но главным было другое: Павел отчётливо понимал, что орден нужен ему боль-

ше, чем кому-либо ещё в Европе. В этом смысле идея лично возглавить орден представлялась наиболее логичной и вполне реальной.

Из этого следует, что Павел I стремился не только к установлению фактического контроля над орденом и его владениями, но и к официальному оформлению своего суверенитета над орденом как первого среди равных ему европейских монархов. Эта политика была весьма символической и должна была показать силу и авторитет Российской империи в Европе.

Мальтийский крест становится, по сути, высшей наградой Российской империи, орденская символика – государственной, высшая российская знать стремится вступить в ряды рыцарей: «Павел I ездил в карете с мальтийским гербом, носил на груди мальтийский крест, кавалергарды – малиновые бархатные супервесты с белым крестом во всю грудь. 1799 год Павел I встречал в полном гроссмейстерском одеянии и в мальтийской короне» [6].

Политика в отношении Мальтийского ордена была для Павла I на редкость последовательной. Это позволяет предположить, что орден император воспринимал отнюдь не только как политический символ. Вероятно он искренне видел себя человеком, более чем кто бы то ни было в Европе, понимавшим и разделявшим подлинные рыцарские ценности, человеком, который должен был стать новым магистром, раз уж прежний от этих ценностей отступился, и который должен был

⁵ Медведев М.Ю. Державный орден при Павле I и его преемниках. Проблемы реформ и расколов // Император Павел Первый и Орден св. Иоанна Иерусалимского в России. СПб.: Культ-информ-пресс, 1995.

⁶ Брушлинская О., Михелева Б. Рыцарский маскарад при дворе Павла I // Наука и религия. 1973. № 9.

вдохнуть новую жизнь в европейское рыцарство, сделав его примером для собственного дворянства и реализовав в полной мере идею преемственности. Обретение власти

над орденом рассматривалось Павлом I как своего рода продолжение политики Петра Великого, создателя Российской империи, – укрепление присутствия России в Европе.

Мальтийский вопрос и политика европейских держав

Реакцию Европы на Мальтийский проект, пожалуй, полностью характеризуют два факта. Павел I де-юре никогда не был признан в качестве Великого магистра (хотя признавался таковым де-факто), а Россия никогда не получала реального контроля над Мальтой. Папа Пий VI до самой смерти не утвердил низложения фон Гомпеша, хотя понтифик в этот момент находился в отчаянном положении – фактически в изгнании, а затем был во французском плену. Казалось, что должен был искать расположения российского императора любыми способами. Однако позиция папских властей была непреклонна и, надо сказать, совершенно ожидаема.

В переписке папского двора с Петербургом указаны следующие принципиальные моменты:

- только приорство имеет право смещать Великого магистра, в том числе если обвинение не имеет достаточных доказательств;

- расследование такого обвинения является прерогативой Святого Престола;

- смещение Великого магистра не может быть принято без соответствующего утверждения со стороны Папского престола;

- в составе ордена не могут состоять некаатолики;

- при особых на то обстоятельствах данные пункты могут не применяться (имелись в виду случаи, когда ордену грозила фактическая опасность или же папская власть не могла оказать непосредственного влияния на политику мальтийского братства. – *Авт.*) [7].

Казалось, что последний пункт должен был перевесить все предыдущие, – позиции Павла никто не оспаривал. Но с точки зрения официальной и символической составляющей ему было заявлено однозначно: российскому императору пошли на большие уступки, а реализация суверенитета Павла I над о. Мальта не в интересах папской власти.

Правовые основания были крайне важны, но в реальности оставался не менее важный момент, связанный с фактическим контролем над островом. И он мог бы оказаться решающим и даже, наверное, склонить Святой Престол к уступкам, – достаточно вспомнить, какие удивительные политико-дипломатические коллизии происходили на Средиземном море в связи с походом эскадры Ф.Ф. Ушакова. А Мальта была одной из целей этого похода.

Но Англия – ключевой союзник России по антинаполеоновским коалициям, тоже сделала всё, чтобы из-

⁷ Sherbowitz-Wetzor O. de, Toumanoff C. The Order of Malta and the Russian Empire. Rome: Palazzo Malta, 1969.

бежать появления на Мальте русского флота и гарнизона. Русская и английская эскадры ещё вместе воевали в Средиземном море, но вопрос принадлежности Мальты уже активно и очень напряжённо обсуждался двумя странами: «Англия, Россия и Неаполь заключили еще одно соглашение о Мальте. 20 декабря 1798 г. – через день после подписания русско-неаполитанского договора – три державы договорились о порядке введения их гарнизонов на остров» [8].

Русский гарнизон должен был, выполняя свои союзнические обязательства, занять крепость Ла-Валетту. При этом «соглашение о военных силах на Мальте могло носить и устный характер, при котором чётко зафиксировать районы расположения союзнических войск не представлялось возможным. ...русский император руководствовался представлениями о том, что англичане предоставят возможность русской военной администрации осуществлять управление данным островом» [8].

Однако англичане, увидев возможность установления собственного контроля над этим важнейшим ключом к средиземноморским коммуникациям, реализовывали её последовательно и неуклонно. И хотя именно мальтийский вопрос стал одной из причин резкого разрыва Павла I с Англией, а английское правительство остро нуждалось в России как в союзнике, но уступать Мальту англичане не стали. В этом проявились принципиальные различия стран в подходах к внешней политике. Представление о национальных интересах, важнейшим из которых виделось господство

на морях, в Англии было уже абсолютно устоявшимся: оно мало зависело от воли монарха, власть которого ограничивалась парламентом, да и глава кабинета навряд ли мог себе позволить компромиссы в вопросах, являвшихся предметом консенсуса политической, финансовой и интеллектуальной элиты королевства.

Павел воспринял данный шаг как вероломство. Другой серьёзной причиной изменения политики Павла I в отношении Англии являлось обвинение её в предательстве и стремлении любым путём ослабить во взаимной войне как Российскую империю, так и наполеоновскую Францию в британских интересах. В этом смысле «мальтийские планы Павла разбились, встретившись с упорным сопротивлением Англии, которая стремилась к гегемонии на Средиземном море» [1].

И хотя при жизни Павел I фактически являлся главой ордена и признавался в этом качестве практически всей Европой, позиция Святого Престола (подкреплённая мощью британского флота) оказалась сильнее. Александр I впоследствии легко отказался от титула Великого магистра, не видя реальной возможности реализовать свой суверенитет над островом.

Внешняя политика европейских государств была направлена на сохранение статус-кво, а усиление Российской империи не отвечало интересам большинства игроков. Если для Англии, к примеру, Великая французская революция и наполеоновские войны воспринимались лишь как очередной этап старинного

⁸ Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 400.

противостояния с Францией, то Российская империя видела в них и крушение старой Европы, и возможность усиления собственного влияния. В данных условиях продолжение династической политики Павла I с вос-

шествием на престол его сына Александра становилось невозможным в ситуации, когда возобновление союза с Англией против Наполеона рассматривалось как необходимое условие российской внешней политики.

Итоги: неудачи и достижения

Мальтийский проект императора Павла I не увенчался успехом, и с этим трудно спорить. Однако данная политическая инициатива позволяет лучше понять особенности его внешней политики, стремившегося укрепить влияние Российской империи в Европе. Присутствие российского военно-морского флота в Средиземном море должно было стать явной демонстрацией силы Российского государства. Орден, сохранивший ещё со времён крестовых походов уникальную форму военно-теократического государства, переживший множество потрясений, нуждался, конечно, в обновлении. В этом смысле финансовая и военная поддержка Российской империи была ему необходима.

Но и ордену было что предложить – это прежде всего свои связи среди европейской аристократии и католического духовенства. Крайне важную роль в усилении российского влияния в Европе должно было сыграть и признание папской властью суверенитета России над Мальтой.

Интернациональный характер ордена и появление в его составе (впервые в истории) подданных российского императора могло открыть широкие возможности взаимодействия чуть ли ни со всеми европейскими государствами, причём в самом разном формате – от политического до культурного. Так что интерес Российской империи к ордену был разумным и оправданным и определялся вполне рациональными политическими задачами. Однако при реализации Мальтийского проекта был допущен ряд серьёзных ошибок, когда желаемое воспринималось российским императором как действительное в оценке политики папской курии и английской монархии, не желавших усиления позиций России в Европе.

Известный русский дипломат барон Ф.И. Бруннов так оценивал смысл Мальтийского проекта: «Император Павел надеялся собрать под знамена Мальтийского ордена все живые силы старой Европы, материальные и моральные, военные и религиозные, чтобы повсюду противопоставить социальный порядок и христианскую цивилизацию, против идей разрушения, порожденных Французской революцией» [9].

Рассчитывать на подобное в реальности вряд ли было возможно. Более того, эта цель представляется уж слишком грандиозной, слишком общей и слишком идеалистической, чтобы вообще рассуждать о ней в категориях дипломатии.

⁹ Антошевский И.К. Державный Орден Святого Иоанна Иерусалимского, именуемый Мальтийским в России. СПб: Екатерингоф. печ. дело, 1914. С. 41–42.

Преемственность политике Павла I видна и в политике Александра I, видевшего свою миссию в воссоздании «правильной Европы» на основе христианства и принципов Священного союза с его духом легитимизма и отрицанием республиканских идей. Этими же принципами в своей внешней политике руководствовался и другой российский император – Николай I, придерживавшийся данных принципов в борьбе в революционной опасности в Европе.

Следует отметить, что внешняя политика Павла I была традиционной для российских императоров, как и политика Петра I, когда страна претендовала на общеевропейский статус. Потребность в признании своего места в Европе, внимание к жестам и символам были особенностями российской внешней политики XVIII в.

В этом смысле реализация Мальтийского проекта Павла I являлась продолжением его европейской политики, направленной на укрепление Российской империи в статусе великой морской державы и определялась стремлением стать первым в российской истории монархом, получившим суверенитет над католическим Мальтийским орденом, объединив православную и католическую традиции. Символами Мальтийского ордена стали знаменитый Воронцовский дворец в Алушке и Приоратский дворец в Гатчине, выполненные с использованием орденской символики. Мальтийская тематика получила отражение и в отдельных произведениях русской школы живописи.

В то же время сама реализация мальтийского политического проекта оказалась невозможной ввиду того, что она строилась без учёта реальной политической обстановки в Европе и определялась завышенными ожиданиями российского императора в условиях стремительно меняющейся политической ситуации на континенте.

Библиография • References

- Андреев А.Р., Захаров В.А., Настенко И.А. История Мальтийского ордена. М.: SPSL. Русская панорама, 1999. – 461 с.
- [Andreev A.R., Zaharov V.A., Nastenka I.A. Istoriya Mal'tijskogo ordena. M.: SPSL. Russkaya panorama, 1999. – 461 s.]
- Антошевский И.К. Государственный Орден Святого Иоанна Иерусалимского, именуемый Мальтийским в России. СПб: Екатеринбург. печ. дело, 1914. – 61 с.
- [Antoshevskij I.K. Derzhavnyj Orden Svyatogo Ioanna Ierusalimskogo, imenuemyj Mal'tijskim v Rossii. SPb: Ekateringof. pech. delo, 1914. – 61 s.]
- Брушлинская О., Михелева Б. Рыцарский маскарад при дворе Павла I // Наука и религия. 1973. № 9. С. 66–69.
- [Brushlinskaya O., Miheleva B. Rycarskij maskarad pri dvore Pavla I // Nauka i religiya. 1973. № 9. S. 66–69]
- Депеши графа Литты, посланника Мальтийского Ордена в С.-Петербурге (годы 1796 и 1797). Сообщены А.Ф. Бычковым, примечания князя П.П. Вяземского // Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868. Т. 2. – 450 с.

- [Depeshi grafa Litty, poslannika Mal'tijskogo Ordena v S.-Peterburge (gody 1796 i 1797). Soobshcheny A.F. Bychkovym, primechaniya knyazya P.P. Vyazemskogo // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1868. T. 2. – 450 s.]
- Медведев М.Ю. Державный орден при Павле I и его преемниках. Проблемы реформ и расколов // Император Павел Первый и Орден св. Иоанна Иерусалимского в России. СПб.: Культ-информ-пресс, 1995. С. 40–66.
- [Medvedev M.YU. Derzhavnyj orden pri Pavle I i ego preemnikah. Problemy reform i raskolov // Imperator Pavel Pervyj i Orden sv. Ioanna Ierusalimskogo v Rossii. SPb.: Kul't-inform-press, 1995. S. 40–66]
- Морошкин М. Иезуиты в России с царствования Екатерины II-й и до нашего времени. В 2 томах. СПб., 1888. Т. 2. – 412 с.
- [Moroshkin M. Iezuity v Rossii s carstvovaniya Ekateriny II-j i do nashego vremeni. V 2 tomah. SPb., 1888. T. 2. – 412 s.]
- Порошин С.А. Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного Государя Цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престолу российскийского. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1881. – 636 с.
- [Poroshin S.A. Zapiski, sluzhashchie k istorii Ego Imperatorskogo Vysochestva blagovernogo Gosudarya Cესarevicha i velikogo knyazya Pavla Petrovicha, naslednika prestolu rossijskogo. SPb.: Tip. V.S. Balasheva, 1881. – 636 s.]
- Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 503 с.
- [Stanislavskaya A.M. Russko-anglijskie otnosheniya i problemy Sredizemnomor'ya (1798–1807). M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1962. – 503 s.]
- Sherbowitz-Wetzor O. de, Toumanoff C. The Order of Malta and the Russian Empire. Rome: Palazzo Malta, 1969. – 131 p.

Статья поступила в редакцию 24 января 2024 г.

Уважаемые читатели!
Продолжается подписка на 2024 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал

«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится:

- для корпоративных подписчиков «УП Урал-Пресс» по электронному каталогу на сайте **www.ural-press.ru**
- для индивидуальных подписчиков Агенством подписки «Деловая пресса» по электронному каталогу на сайте **<https://delpress.ru/catalog/>**
тел.: 8 -499-391-57-36